

Оглавление

<i>Вместо предисловия</i>	3
<i>Глава 1. Откуда взялось право?</i>	9
<i>Глава 2. Про правовое яйцо и государственную курицу</i>	15
<i>Глава 3. Про преступления</i>	19
<i>Глава 4. Что же такое права человека</i>	24
<i>Глава 5. ... и нечеловека? Будут ли права у машины?</i>	32
<i>Глава 6. Преступность и борьба с ней</i>	42
<i>Глава 7. Зачем нам собственность</i>	47
<i>Глава 8. Демократия</i>	52
<i>Глава 9. Источники права</i>	59
<i>Глава 10. Юридическая сила актов</i>	62
<i>Глава 11. Римское право и его рецепция</i>	68
<i>Глава 12. Не стреляйте в пианиста...</i>	74
<i>Глава 13. Суды от Линча до присяжных</i>	83
<i>Глава 14. Советский суд — самый гуманный суд в мире!</i>	89
<i>Глава 15. Право и этика</i>	96
<i>Глава 16. Граждане и гражданки</i>	101
<i>Глава 17. Будет ли у нас идеология?</i>	106
<i>Глава 18. Может ли право умереть?</i>	113
<i>Глава 19. Так ли страшна ювенальная юстиция?</i> ...	120

<i>Глава 20.</i> Про МКБ, однополые браки и много гендеров	127
<i>Глава 21.</i> Города и урбанизация	139
<i>Глава 22.</i> Соцсети и наш многострадальный мозг ..	147
<i>Глава 23.</i> Что день грядущий нам готовит?	157
<i>Глава 24.</i> Зачем запрещать наркотики?	169
<i>Глава 25.</i> Пределы государственного и общественного вмешательства	178
<i>Глава 26.</i> Новая этика = старая эстетика?	186
<i>Глава 27.</i> Справедлива ли социальная справедливость	193
<i>Глава 28.</i> Нужны ли мы нам?	199

Вместо предисловия...

...или, как говорят юристы, преамбулы. Приготовьтесь, сейчас вас ждет не вдохновенный рассказ об удивительном событии, толкнувшем меня на написание этой (вот я уже мысленно морщусь) книги, а не самая веселая часть нашего повествования, поскольку связана она с моим опытом.

Много лет назад, когда я прокладывала свой профессиональный путь среди рейдерских войн и кровавых сражений за различные активы, продвигаясь к той позиции, которую удалось достичь сейчас, мужчина, бывший со мной рядом, который, как предполагалось, будет поддерживать мой хрупкий внутренний мир, любил в присутствии других потрепать меня снисходительно по щеке и сообщить

всем собравшимся, хихикающим над моей очередной рассказкой: «Я всегда говорю, Наташе надо книжки писать». «А не изображать из себя крутого юриста всем на потеху», — неизменно добавлял он, оставшись со мной наедине, с брезгливым выражением лица.

Разумеется, любое упоминание о написании книги приводило меня в ярость, потому что полная загрузка в университете, а вдобавок к ней практика, не снимавшие с меня обязанности по дому и уходу за ребенком, не оставляли ни времени, ни сил не то что на написание книг, но даже на передышку. Упал — вытянул ноги — будильник — отклеил слюни от подушки — встал — побежал дальше.

К тому времени как я доказала себе, что не только могу неплохо рассказывать, но и юрист не последний, так что некоторым можно уже и заткнуться, внутри почему-то сформировалось стойкое убеждение, что книжки писать могут только пенсионеры и лузеры. И вообще, наваять книжку равно расписаться в собственной профнепригодности.

Надо сказать, мы, юристы, страшные графоманы. Вы даже не представляете, сколько весьма уважаемых правоведов разных возрастов пишут о таких вещах, о которых Кирилл

и Мефодий даже мечтать не могли. Я за коллег рада, но, как говорится, однажды посеянное ядовитое зерно сомнения дает невероятно стойкие ростки.

И тем не менее то, что вы держите сейчас в руках, несомненно, книга.

Дело в том, что я очень люблю право в самом широком смысле этого слова. А еще обожаю про него рассказывать так, чтобы было интересно разным людям. В принципе, это и называется «писать книжки». Мне легче устно, как Ираклию Адроникову, но могу и письменно, почему нет. И хотя от мысли, что момент выхода книжки неизбежно настанет, а люди (два-три человека, у которых мне удастся отобрать паспорта) ее прочтут, мне становится слегка дурно, я приняла обязательство с этим бороться.

Что же ждет вас в недрах? Я решила не ставить сверхзадач, а ограничиться легкими очерками с объяснениями некоторых феноменов общественной жизни. Живописать же запланировала тем языком, которым обычно рассказываю, только без обценной лексики. Мне сказали, это обязательно, если хочешь все-таки увидеть выход своего произведения, не рискуя оказаться в изоляторе временного

содержания. Беглый анализ нашего законодательства показал, что материться в книжках живым авторам можно только устами своего лирического героя либо издающим публицистику на темы не дальше садоводства. Грубая проза жизни применительно к общественно-политической тематике ставит тебя в весьма незавидное положение. А оно нам зачем?

С детства одной из моих самых любимых книг остается «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“». Мне хотелось бы написать нечто похожее, пусть и менее лаконичное. Занесем это в недостижимые идеалы, к которым обязуюсь стремиться.

И под конец не могу не упомянуть двух замечательных людей, к сожалению, уже покойных, моих коллег по кафедре и великолепных профессионалов.

Во-первых, это совершенно несерьезное повествование посвящено памяти моего любимого Учителя, потрясающего рассказчика, эрудита, человека невероятной скромности и такой же внутренней интеллигентности, добрее которого я в жизни не встречала,— профессора Вадима Семеновича Прохорова. Вадим Семенович был не только деканом все пять лет, что мы грызли осыпавшийся

несвежей крошкой гранит науки в 90-е годы, но и моим научным руководителем. У него был божественный дар простым языком, не прячась за ложной наукообразностью, объяснять самые сложные вещи. Надеюсь, мне хоть немножко удастся что-то подобное. С присущим ему юмором на любые предложения написать что-то, кроме самого необходимого, он отмахивался: «Можешь не писать — не пиши!» Дорогой Вадим Семенович, получается, я больше не могу не писать. Значит, момент настал, да?

Второе посвящение я обязана сделать еще одному профессору нашей кафедры, тоже добрейшему, скромнейшему и интеллигентнейшему человеку — Владимиру Ивановичу Полуднякову, судье в отставке, бывшему председателю Санкт-Петербургского городского суда. Владимир Иванович дольше всех был председателем суда региона в нашей стране. Как ему, специалисту по уголовному праву, удалось сохранить такое человеколюбие и гуманизм, я не знаю. Владимир Иванович был страстным писателем. Он создал несколько детективов, основанных на делах, которые попадали в поле его зрения. Полудняков писал статьи и публицистические очерки, был

членом Союза писателей и всегда легко и с удовольствием дарил всем на кафедре свои книжки или журналы со статьями. Если ему случалось увидеть меня по телевизору, он непременно подходил на кафедре и со своей слегка застенчивой улыбкой говорил какие-то приятные вещи о моем выступлении, очень подробно разбирал сильные и слабые стороны аргументов, крайне деликатно, если считал нужным, подсказывал, как можно было сказать это проще, чтобы рядовой человек понял и услышал. Владимир Иванович всегда говорил, что мне надо писать, но от него это звучало ободряюще и вдохновляюще. «Пишите, вас люди слышат, а это такая редкость!»

Дорогой Владимир Иванович! Мне бы вашу легкость и ту простоту, с которой вы дарили свои слова миру. Но я пробую, честно!

Глава 1

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ПРАВО?

В принципе, душный доцент внутри меня требует сначала определиться, что это вообще такое — право. Но тогда мы рискуем застрять страниц на триста мелким шрифтом и потерять того единственного читателя, который заглянет в текст в поисках интересных картинок или припрятанных от не в меру притких членов семьи пяти тысяч рублей.

Поэтому вам полагается принять на веру несколько базовых позиций.

Во-первых, право — это система общеобязательных правил поведения в обществе. Правил, которые поддерживаются государством,— добавлю я робко, ибо так считают только гнилые сторонники позитивистского подхода, а нет хуже оскорбления для образо-

ванного правоведа, чем прослыть позитивистом, но вам так будет проще. Разговор о том, может ли право существовать без государства, способен заставить благообразных докторов наук кататься по полу в попытке удавить оппонента его же *столяпинским* галстуком.

Во-вторых, право рождается и живет в обществе как результат коммуникации бесконечно-го множества индивидов. И поэтому оно не равно закону. Закон, отрицающий базовые нормы, легко будет неправовым. Помните, как у сомнительного по нынешним временам Винни-Пуха горшочек из-под меда вмещал в себя не то, что было на этикетке, а только сдутые резиновые изделия какого-то осла. Здесь хочу оговориться, что произведение, которое вы держите в руках, является абсолютным вымыслом, содержащиеся в нем гиперболы и аллегории носят характер литературного приема и не дают каких-либо оценок отдельным элементам российской правовой действительности.

Расправившись таким незатейливым способом с крупнейшей проблемой, занимавшей лучшие умы человечества со времен античности, мы с вами полькой-бабочкой поскачем прямо к вопросу об истории возникновения права. Нечего нам расслаживаться.

Правом, как и многим другим явлениям в нашей жизни, мы обязаны рано польसेвшим обезьянам. Многие и по сей день умудряются быть им обязанными всем — от автомобиля до сумочки, но следует признать, такая стратегия выживания подсказана им эволюцией, а что естественно, то не безобразно. Антропологи рассказывают о перипетиях когнитивной революции гораздо поэтичнее, но факт остается фактом — в одну-две прекрасные тысячи лет определенная часть Номо вдруг решила поговорить за жизнь и выработала за следующие десять тысяч лет не только сносную и разнообразную систему знаков, позволившую им быстрее всех передавать информацию и накапливать опыт, но и придумала абстракции в виде высших сил, правил и нецензурной лексики. Это стоило им последних остатков шерсти, нарастило лоб и сподвигло ходить прямо, а затем заставило то ли сначала надругаться, а следом истребить, то ли сначала истребить, а затем... (ну, вы поняли) в округе всех остальных Номо, которые не успевали поделиться с товарищами, какие же твари эти сапиенсы.

Таким образом, мы получили очень агрессивного смышленного предка с непонятной никому тягой расписывать стены своих пещер

сценами из собственной жизни, пользуясь подручными средствами натурального происхождения, разнившись в зависимости от того, удалось ли художнику встретиться в пещере с одноименным медведем или нет.

Зачем же на фоне окружавшей его «роскоши» нашему предку потребовалось право? Этот аналог популярного сейчас вопроса: «На кой мне ваш закон? Вы мне скажите, как мою схему оформить?» — к истории имеет прямое отношение.

Пока наши предки были охотниками и собирателями, право им не требовалось в принципе. Жизнь подчинялась целому ряду установок и ритуалов. Из черепа нарушителя рукастые члены семьи могли смастерить красивую чашку, но это укладывалось в рамки привычных нам семейных отношений, с поправкой на то, что сегодня наличие красивого сервиза в серванте не означает, что с родственниками вам не повезло. Однако пытливый ум и природная любознательность *Homo sapiens* не давали ему смириться с ситуацией, когда приходилось тратить тысячу килокалорий, чтобы добыть еще одну тысячу, а выпавшее бинго в тысячу двести побуждало срочно приступить к размножению. Колесо Сансары того време-

ни состояло в том, что человек постоянно находился в поиске белка, хотя его самого другие обитатели лесов и саванн также рассматривали как двуногий шашлык. Это положение заставило искать белок, который не пытался бы перманентно сожрать самого добытчика. Таковой обнаружился в реках в виде рыбы и животных, вынужденных приходить на водопой. Обилие пресной воды и наличие еды подсказали нашим с вами предкам идею осесть и жить кучно в поймах рек. Люди быстро смекнули, что для безопасности, чтобы оградить себя от диких животных и не менее диких товарищей по виду, хорошо бы возвести частокол повыше, да еще и гостеприимно заточенный поострее. Жизнь проходила внутри этого «монплезира», а охота и собирательство — за его пределами. Главным знаком безопасности стал горящий внутри поселения костер. Запомните эту мысль. Она нам пригодится для разговора о безопасной городской среде.

И тут *Homo sapiens* ждало еще одно потрясающее открытие — некоторые злаки прорастали при разливах рек и давали пригодные в пищу растения. Так, четыре главных злака — пшеница, ячмень, рис и кукуруза — приручили человека, хотя мы думаем, что было наобо-

рот. Секреты обработки своих новых друзей человек раскрыл очень быстро, что привело к экспонентному росту численности сапиенсов. Оседлый образ обитания ухудшил жизнь многих индивидов, но обеспечил повышение выживаемости вида в целом. Так, перед людьми впервые появилась такая приятная проблема запасов.

Поскольку общины стремительно разрастались, стало важным отделять свое от чужого, решать вопросы с нарушителями, а также укреплять статус наследников и межевать земли. Достаточно быстро стало понятно, что самоуправление и самосуд с вызовами нового времени не справляются, это надо поручить «специально обученным людям». Впервые человек узнал, что бывает государственный аппарат на содержании всех членов общины. Так начали формироваться государство и право.